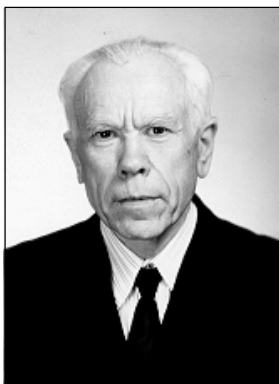

Николай ВОСТРОВ

БАЛЛАДЫ

пос. Караваево

2010 г.

Об авторе

Николай Никонович Востров родился 10 апреля 1925 года в Шарьинском районе Костромской области. Окончил Заболотскую семилетнюю школу.

В январе 1943 года был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте. Был ранен. Боевой путь закончил на островах в Балтийском море. Окончил Киевское Краснознамённое пехотное училище. Служил на Украине, Дальнем Востоке и Камчатке.

После демобилизации 29 лет работал в Якшангском леспромхозе Поназыревского района Костромской области.

Сейчас живёт в пос. Караваево под Костромой.

В разные годы у него изданы три сборника стихов: «Мои полномочия», «Минута молчания» и «Местные мотивы».

Баллада о встречном

Запоминал я эту быль
У фронтовых дорог...
Дорога, пыль, степной ковыль,
Разбитый хуторок.

Солдат с озлобленным лицом
Шагнул из темноты.
И были белые на нем
Повязки и бинты.

Смертельно бледен, запылен,
Упрямо он шагал.
Но вот остановился он
И хрипло мне сказал:

«Нет, нет, не верь, что я убит,
Я все еще в строю.
Святая месть во мне горит
За Родину мою.

Случилось так: я ранен был,
Без памяти упал –
Во тьму упал и все забыл...
Вот так я в плен попал.

Меня эсэсовец пытал,
Вытягивал ответ.
Я отвечал ему – молчал...
Он поднял пистолет.

Ударил выстрел: сдохни тут!
А я, назло, не сдох.
Кому капут? Не мне капут!
А сам уткнулся в мох.

Очнулся – ночь... Врагов уж нет.
Я – встать! – себе сказал.
И пусть я был почти скелет,
Я встал, я все же встал!

Так ты не верь, что я убит –
Я все еще в строю.
Святая месть во мне горит
За Родину мою.

Теперь на Запад мне идти,
Искать врага – и мстить!
И мой удар не отвести,
Не сбить, не отклонить.

Будь, что угодно – я иду!
В окопе, в яме, рву –
Я все равно врага найду
И горло перерву!»

Солдат ушел. О, мой народ!
Столетия встали в ряд.
С такими только путь вперед
И нет пути назад.

1955 г.

На озере Чудском

Баллада

В тяжком скоке рыцарская конница
Топчет новгородские поля.
Только бой! Не дрогнет и не склонится
Перед немцем русская земля!

Невский ждет дружинников. Стекается
В ополченье русский люд простой.

На Вороний камень конь взбирается...
Князь задумчив. Труден будет бой.

Занялась заря полоской узкою.
Помолились богу старики.
На великий бой за землю русскую
Вышли новгородские полки.

Ждут, а где там эти псы-воители?
Показались рыцари вдали...
Князь теперь спокоен – и решителен.
Так и знал он: «клином» немцы шли.

В мерном беге конница могучая
Для удара скорость набрала –
Пронестись по центру черной тучею...
Вот «свинья» вплотную подошла!

Кое-кто из русских в нетерпении,
Стиснув зубы, вырвался вперед!
Молодецкий взмах – пошло сражение,
Первой кровью обагрился лед.

.....
Это бой далекой, давней давности,
А волнует нас, как будто вот
Лишь вчера нам Невский сдал в исправности
Ключ от наших западных ворот.

Наши предки! Отбиваясь, знали ведь,
Что расчеты немцев далеки.
За кровавой коркой чуждой наледи
Им виднелись Фридриха полки.

Чуть подальше кайзера заметили.
Дальше – Фюрер... это наши дни!
Слава предкам! Мы тому свидетели –
Превосходно видели они.

И – давай!.. Как утром в пору росную,
Лишь мечи сжимая вместо кос,
Подкосили сволочь крестоносную –
Вот, «свинья», твой страшный опорос!

Только бой! Стонала гладь озерная.
«Кто с мечом...» Да, да – расчет сполна!
В бегство псы ударились позорное,
В ужасе теряя стремяна.

Предки! Землю русскую прославили!
Там вовек не вырастет былье.
Наше дело предки нам оставили –
И отлично сделали свое.

1956 г.

Героическая крепость

Баллада

Не приказы, не слухи, не вести,
Не посыльный разбрызгивал грязь –
Вот война, вот сама, вот над Брестом
Выла бомбой, снарядом рвалась!

Там – громил дрессированных свора.
Здесь – отважная кучка бойцов...
Только Брестская крепость не скоро
На развалины пустит врагов!

Знал ли Брест о заслуженной славе?
Просто первый подставил плечо!
Оборону умело возглавил
Боевой капитан Зубачев.

Бить точней, экономить патроны,
Сердце гневное – в каждый удар!

Настоящей душой обороны
Был Фомин, полковой комиссар.

Что там рана, какая там рана –
Яро бросив команду «Вперед!»,
Лейтенант, комсомолец Наганов
В контратаку со взводом идет.

Через годы, с оглядкой на дату
Скажем мы: «Что за горькие дни...
А какие мы были солдаты –
Нет, особой породы они!»

Да и в те горемычные годы
Было ясно, и даже врагам –
Это люди особой породы,
Это видно по первым боям.

А на крепость идут эскадрильи,
Эту крепость орудья долбят...
Враг предпринял такие усилия –
И не смог выбить русских солдат.

Ждали немцы, появится белый
Флаг – и гордая крепость у ног.
Под таким ураганным обстрелом
Кто бы биться отчаянно мог.

Да не вышло! Хоть пусты подвалы,
В дисках, ранцах давно пустота,-
Только Брестская крепость не пала,
Только крепость еще не взята!

Там, где немец вплотную теснится,
Где от касок притушенный блеск –
Пистолетный хлопок у бойницы
Да гранаты накатистый треск.

Таял, таял – ну вот и растаял
Без того небольшой гарнизон.
Тишина по руинам густая
И тягучий навязанный сон.

Слава – спутница, слава – невеста...
Все повенчаны, в прахе лежат.
Дорогие защитники Бреста,
Просветленные лица солдат.

1956 г.

Народный артист Емельян

Баллада

Далеки вдоль России дороги...
Поперечные – ой, не короче!
Ходокам бы железные ноги –
В Петербург, до царя, о подмоге,
Жизнь такая, что жить нету мочи.

Развивались события упруго.
Дерзко села на трон Катерина.
Зашептали... Где – тайно, с испугом,
Где – собравшись решительным кругом,
Ждал народ избавителя – сына.

Царь мужицкий! Петром называли.
Люди верили: Третий хороший.
А в степи казаки бунтовали.
Да Емеля подумал едва ли,
Что схватил непосильную ношу!

Емельян был казак с головою.
Стать, глаза – ух, не надобно грима!
Крепость – с бою! Другую – без боя.
Царь мужицкий – нечасто такое!
В Оренбург! Приударил – да мимо.

Дал Урал Емельяну подмогу.
Дал башкирский народ Салавата.
Загудели в России дороги –
Третий Петр, справедливый и строгий,
Мужика понимает, как брата.

Зычно выкрикнет: «Детушки, грудью!»
Эх, и бились же детки, бывало!..
Перли так на штыки, на орудья –
Генералы, отменные судьи,
Пугачеву дивились немало.

А в столице, поди, что творится –
Все светлейшие там побледнели.
Не ложится, не спится царице –
Ох, «изменнице Катьке» не спится
На встревоженной царской постели!

Ах ты, господи, как беспокойно!
Что разбойник Емелька надумал!
Ах, теперь не победные войны –
Мужичью дать урок, да достойный,
Лишь в Европе бы не было шума.

Высочайшее есть повеленье –
С фронта дальнего сняты солдаты.
«Бог помилуй! – Суворов в смущенье –
Ну, помилуй бог! Вот положенье!»
Плюнул, плюнул и плюнул трикраты.

Емельян был казак с головою.
Да ведь что? Пораженья все чаще...
Атаманы «шу-шу» меж собою,
Атаманы с усмешкою злою –
Емельян, человек ты пропащий!

Приближенные мыслят измену.
Ай, схватили они Емельяна!
Накипь серая, черная пена –
Все с печалью позора и тлена,
Исполнители адского плана!

Скрипнут зубы, как вспомнишь такое...
Ой, Емеля, великий Емеля!
Поплатился казак головою,
Подломился под ношей большою –
Но царя как играл, в самом деле!

1957 г.

Медсестра

Баллада

В наступательном сорок четвертом году
На болотах под Нарвой я встретил беду.
Разорвался снаряд, правый бок обожгло,
Свет качнулся, поплыл, и сознание ушло.

Но вернулось... А кто наклонился ко мне?
Почему я лежу, как дитя, на спине?
Где же рота моя, с громоносным «ура»?
Наконец узнаю: медсестра, медсестра...

Значит, ранен я... Вот незадача... В бою,
Дорогая сестра, я тебя узнаю.
Хотя мы не знакомы – такая пора...
Губы шепчут одно: «Дорогая сестра».

Спеленала меня этим белым бинтом –
Вот и сумка твоя, сумка с красным крестом...
Я лежу, как дитя, мне так трудно дышать –
В медсанбате сумеют осколки достать.

Ой, спасибо, сестра, я теперь буду жить –
Помешала мне веки навеки смежить,
А ведь в этом бою за лесок, за село
Сколько братьев твоих и моих полегло!

Ой, спасибо, сестра – я живу много лет!
Много лет я живу, а тебя-то и нет...
Я не строчку пишу, я по горю бреду.
Ты убита, сестра, в сорок пятом году.

Твои дни так черны, твои сны так густы –
На чужой стороне похоронена ты.
И тебя разыскать, о сестра, нету сил...
И ни разу цветов я тебе не носил.

Все вернулось!.. А кто наклонился ко мне?
Почему я лежу, как дитя, на спине?
Годы, годы текут, как чернила с пера.
Только ты все со мной, медсестра, медсестра.

1967 г.

Брестская тишина

Баллада

Еще не остыл от сражения ров
И гильза дымит, остывая.
Дымится на камне двухцветная кровь –
Своя и, понятно, чужая.

На Брестскую крепость легла тишина,
Руины безмолвием взяты.
Здесь чашу бессмертия пили до дна
Стоявшие насмерть солдаты.

Совсем не хотели геройства они –
И некогда думать об этом!..

Те брестские ночи, те брестские дни
Прошиты рентгеновским светом.

Просвечены памятью наших людей.
Народная память – награда.
Где смерть пронеслась все лютей и лютей –
Там память – и больше не надо.

Народная память навек сохранит
Любимых имен сочетанья.
У Бреста схоронен... Под Брестом убит...
Над Брестом не гаснет сиянье!

Над бранной округой висит тишина,
На уши свинцом налегая.
И звонкая слава далеко слышна,
Такая для всех дорогая.

Усталая крепость в пророческом сне
За всех убиенных молилась...
А слава не может мешать тишине,
Со славой она помирилась.

1968 г.

Ваня-военкор

Баллада

Простую заметку
Писал военкор.
«Ходили в разведку...
Столкнулись в упор...
В товарищей, главное, вера!
И взяли живым офицера.

Бесшумно и скоро –
Наш воинский труд...»

А все военкора
Ванюшей зовут –
С припевкой, шутя и галуша:
Эх, Ваня, эх, Ваня-Ванюша!

Заметки не часто
Ванюша писал –
Военное счастье
В разведке пытал.
Вернется с задания – порядок!
Колдует у синих тетрадок.

Зимою, в ненастье
(Все дико-бело!)
Военное счастье
Его обошло –
И в этом во всем виновата
Смертельная рана солдата.

Военные были,
Бессменный аврал!
Друзья притащили,
А он умирал.
И слышалось тише и глуше:
Эх, Ваня, эх, Ваня-Ванюша...

В улыбке – отраде,
Хоть не было сил,
Ванюша тетради
Свои попросил –
И вот по кровавому следу
Ложилось: «Я верю в победу!

Прощайте, ребята!»
И стихло вокруг.
Тетради куда-то
Унес политрук,

Да помнят друзья фронтовые
Те строки кроваво-живые.

Эх, Ваня-Ванюша!
В победный наш час
Не русские ль души
Остались у нас?
А сердце твое – это пламя.
И память. И долгая память.

Военную пору
Да нам ли забыть?
Тебе, военкору,
Доподлинно жить.
Уроки давать непременно.
Великое дело нетленно.

1969 г.

Сомнение?

Баллада

(когда «Союз-7» на орбите)

Но это уж слишком.
Ты многого хочешь, Земля!
Короткая вспышка –
Огнистым хвостом шевеля,
Уходит ракета...
Трехместный корабль унося,
В заботу одета,
Работой унизана вся!

Отбилась от рук-то –
Земля, замахнулась куда?
А Главный Конструктор
Чувствителен к слову «звезда».

А центр управления –
По мозгу – науки гора.
А нам с притяженьем,
Пожалуй, поспорить пора!

И все-таки что там,
Ну что там ни говори,-
Огромна работа,
А мы-то не богатыри.
Мы люди простые,
Мы ведаем смерть и тоску...
А звезд-то, родные,
Как будто морского песку!

Но вахта – так вахта!
Уж если полет – так полет!
И три космонавта –
Вперед! И вперед! И вперед!
А что до сомнения –
Так это же, право, в былом...
Прорвав притяженье,
Мы космос в обнимку берем!

А трое, а трое?
Летят, иль висят, иль парят?
Глаза лишь прикрою –
И вижу отважных ребят.
А чем помогу я?
Достану ли этой рукой?
Но руку другую
Поэзия тянет со мной!

Вот эта достанет!
Вот эта на помощь придет!
Придет – не обманет.
Придет – и беду отведет.

А что до сомненья –
Так это же, право, в былом...
Прорвав притяженье,
Мы космос в обнимку берем.

1969 г.

Баллада о друге
Памяти Павлика Воробьева

Давай подумаем о Родине
И в сотый и в сто первый раз.
И страшновато ставить вроде мне
Святые чувства напоказ...

Зачем не прячу, не внутри таю?
Зачем тяну из глубины?
А я подумаю в открытую.
Имею право. С той войны.

С той, всенародной, зверски-памятной,
Четырехлетне-затяжной,
Тысячеверстно-смертно-маетной,
Как дождь кроваво-обложной.

Во что же верил я? В звезду мою?
Звезда меня не подвела.
Давай о Родине подумаем!
И у тебя она была.

Я все в пути. Тобой все пройдено.
Но только ты не вышел весь!
Я тут возделываю Родину.
А ты на снимке. В сердце – здесь.

Качнусь ли я – и ты качаешься,
Изображение дробя...
Ты для России не кончаешься,
Судьба такая у тебя.

О, как же с Родиною слиться мне!
Не прибегая к посошку,
Ходить, ходить – не находиться мне
По всероссийскому лужку.

Устану, да? – Куда же деться мне?
Мне утешение дано!
Глядеть, глядеть – не наглядеться мне
Во всероссийское окно.

Сумело сердце приохотиться –
С Россией мы в одном узле...
Да мне вовек не наработаться
На этой звончатой земле!

Нас так легко война разрознила...
И тяжело теперь вдвойне.
Такое время было грозное...
И за тебя трудиться мне.

Тебя сразил огонь с неметчины
В годину горько-черных дней,
А ты живой, увековеченный
В упругой памяти моей.

И что Смертище-непролазище
На боевом пути твоём?
О, мы подумаем не раз еще
О нашей Родине вдвоем!

1969 г.

Отвечать будем

Баллада переходов

Не по земле ходим, а по счастью.
Не на небо смотрим – на дорогу.
Пролегла дороженька далеко,
Поднялась и спряталась за звезды.

Есть ли конец – не чаем.
Сынов провожаем – встречаем.

Нет, что ль, пути у человека?
Есть, да у каждого особо.
Нет, что ль, пути у человечества?
Есть – один на всех.

Ходит оно, петляет,
Трудный себе путь выбирает.

Ветер и вода намертво стоят,
А земная твердь ходит ходуном.
Ум человеческий ищет,
Можно ли стихии согласовать.

У времени стук, у времени звон,
Человек временем оглушен.
Твари земные – наши сестры.
Растенья земные – наши братья.
Землю мы дружно величаем
Матерью щедрой и обильной.

Как же нас в земном постоянстве
Обожгло тоской о пространстве?

Сколько любований облаками!
Сколько излияний под луной!
Звезды, что горячие загадки,
Все теребят душу: отгадай!

О современник, мой товарищ!
До нас на земле было прекрасно.
До нас на земле было скверно.
Всякое бывало на земле.

Мы возмужали, повзрослели,
Тяжесть задач на плечи взяли.
Убедились: на земле прекрасно.
Удостоверились: на земле скверно.
Всякое бывает на земле.

Унылы, унылы наши будни.
Не то! Героичны наши будни.
Светлы, долгожданны наши праздники.
Беднее будней наши праздники.
Будни – великая полнота.
Праздники – емкая пустота.

О современник, мой товарищ!
Я обращаюсь к тебе, крестьянин.
Я обращаюсь к тебе, шахтер.
Я обращаюсь к тебе, премьер-министр.
И к тебе, домашняя хозяйка.
И к тебе, бедняга безработный.

И к тебе... и к тебе, разумеется, тоже.
Не забыл (не забыла ли) ты
Совершить маленькое доброе дело,
Когда была к этому возможность?
Не забыл (не забыла ли) ты
Дать отпор маленькому злу?

И такая возможность была!
Память! Перетряхивая, освежаем ее.
Возвращаясь, черпаем из нее.
Вгрызаясь в настоящее, обогащаем ее.

Спроси же, спроси и ты у меня, товарищ!
Спроси, по какому праву спрашиваю я.
Где записано это право.

Вилами на воде, гребешком в бороде?
Обратись ко мне с теми же вопросами!
Буду морщить лоб, рыться в памяти
И краснеть, когда нечем будет крыть.

Столь ли важно, кто да с кого спросил?
Не важней ли то, что за вопрос стоит?
Вопрос стоит, отвечать велит!
А ответ держать – по совести,
Ни словечушком не играючи,
Человечество уважаячи.

Не важней ли прервать одиночество?
Разобщенности положить конец?
И в толпе можно быть одиноким,
И в семье можно быть сиротою.
Условимся, товарищ: человек, идя по земле,
Как бы подпинавает наш «шарик».
Большой человек может ударить его сильно.
Будем же осторожны,
А то не туда покатиться.

Не по земле ходим, а по счастью.
Не на небо смотрим – на дорогу.
Пролегла дороженька далеко,
Поднялась и спряталась за звезды.
Будем же отвечать на вопросы.
Отвечать по совести, дельно.
Оставим потомкам
Богатство.

1970 г.

Ночное озеро

Маленькая баллада

Ночью старинное выплыло, ожило.
Древнее, смутное, грустное озеро.
Кто-то от неба отринул тебя?
Кто-то под Галич закинул тебя?

Днем ты засмотришься в небо бездонное,
Пусть одноцветное – не монотонное.
Ночью тебе только звезды ловить.
Ночью тебе только душу травить.

Стали легендою сны добра молодца -
Тихо вздыхаешь, язычески молишься.
Слово бессвязное шепчет волна.
Глубь водяная с глубинами сна.

Старец! Ты все в колыбели качаешься.
Надо бы клнчиться – ты не кончаешься.
Чей чародей над тобой колдовал?
Кто, бессердечный, бессмертие дал?

Ночь проплывает на лодке на матовой.
Кто я? Бездельник? Так удочки сматывай!
Некому кланяться. Нечего гнать.
Северный Галич. Озерная гладь.

1970 г.

Возгласы

Баллада

А все было тихо. Дышалось легко.
И сны не кошмары.
Июнь медоносный зашел далеко
По летние чары.

В цвету Прикарпатье, в спокойствии Брест,
В улыбке Полесье.
Еще с пограничных не тронулись мест.
Еще – равновесье.

Ушла в тишину предрассветная мгла.
Трава ждет укуса.
...В генштабе германском указка легла
На план «Барбаросса».

И враз разломилось, и вмиг отошло,
И грозно разъялось,
И ночь умерла, стало дико-светло,
И кровь – эта алость.

Каких воскресений подобье найду
Тому воскресенью?
Ужели написано нам на роду:
«Отмщенье, отмщенье!»

Пошли – молодые, пошли – средних лет.
И девушки даже.
О, годы и годы! От бед – до побед.
С военной поклажей.

И вот в эти годы, в толкучке смертей
Да в месиве схваток
Одним повезло – жить до радостных дней,
Другим – век был краток.

И вот в эти годы (а память острее –
Отпустит едва ли!)
На фронте себе находили друзей,
Но чаще – теряли.

Друзья, кто по роте, а кто по полку,
А кто и бок о бок,

Форсировать мне помогли реку
И брать с ходу взлобок.

Друзья помогали траншею копать,
Делясь сухарями.
Друзья так учили в бою выживать...
Не выжили сами!

А жизнь между тем продвигалась вперед,
Скрипя и хромя,
И вот отделило страну от невзгод
Девятое мая.

А жизни не скажешь: «Родная, постой –
Те цифры не стерты!»
И вот отделились последней чертой
Живые от мертвых.

Святыми надгробьями – глянь, сколько их! –
Стоят обелиски.
А мы в День Победы помянем родных,
Своих самых близких.

А старый солдат в воспаленных глазах
Слезу не запрячет –
И сердце его, презиравшее страх,
Не бьется, а плачет.

Конечно, конечно, не счесть наших ран –
Господь нам в подмогу.
И план «Барбаросса», тот дьявольский план,
Побит, слава Богу.

Конечно, конечно, не кончится грусть,
Сердец не остудим.
Спасла Богородица верную Русь –
И в вере пребудем.

У нас, я надеюсь, безверья ледок
Растает, растает.
И Русь утвердится – помилует Бог! –
Святая, Святая.

Поле Куликово

Я спрошу несмело,
В три-четыре слова:
Что ж ты поседело,
Поле Куликово?

Может быть, нескромно...
Но спроси – отвечу!
Помнишь, поле, помнишь
Гибельную сечу!

После долгой ночи
Солнце восходило.
Здесь ордынец хочет
Силу смерять силой.

Хан пришел с дарами,
Тяжко от гостинца.
Угостим и сами
Золотоордынца!

Падали и стыли
Миги цепью длинной...
Нехристи катились
Страшную лавиной.

Меж рядов их плотных
Зная, будто жало.
От копыт несчетных
Поле задрожало.

Птица от испуга
Дико голосила...
Спросим же друг друга:
Где ты, наша сила?

В русском ли народе?
В Божием ли глазе?
Вся ли, Русь, в походе?
Вся ли напряглася?

Не мирись с обидой,
Встань и слезы вытри.
Только ты не выдай,
Князюшко Димитрий!

А уж мы возьмемся
И татар уважим –
Иль, побив, вернемся,
Иль костями поляжем.

Слева смерть и справа.
Шлемоносцы правы –
Всем убитым слава,
А живым полславы.

Из чужого тела
Душу изымая,
Рвутся оголтело
Конники Мамая.

Мы ведь не солома!
Сколько там ни уськай, –
Только, хан, не сломишь
Рати нашей русской.

Все теперь открыто!
В сердце боль и жалость –

Много так убито,
Мало так осталось.

Эти постепенно
Мертвых погребают –
Воев убиенных
Тысяча, другая...

Счетчиков бы высечь!
Разум их затмился –
На десятки тысяч
Счет переключился!

Ой, ни сна, ни бреда,
Ни ошибки малость –
Славная победа
Дорого досталась.

Горестное слово.
Горестная чаша.
Поле Куликово,
Долюшка ты наша!

Жаль тебя, родного –
Шесть веков не спится...
Поле Куликово,
Кровь еще дымится!

1980 г.

Как бы не так
Дамская баллада

Как бы не так – уберечься, не сдаться,
Не промотать зачарованных дней...
Выдумай, глупый, те новые святцы,
Чтобы прошли – и не стали бедней.

Выдумай, глупый, и дни, и недели,
Чтобы вернулись, прильнули к груди...
Девушки – весны ко мне охладели –
Осень, нарядная дама, приди!

Как бы не так – сохраняя всю свежесть,
Долю бессмертья украсть у богов...
Иль ты не чувствуешь – реже и реже
В резвые игры ворваться готов.
Иль ты не чувствуешь – замерли трели,
Кончилось лето, нависли дожди...
Девушки – весны ко мне охладели –
Осень, нарядная дама, приди!

Как бы не так! А и так – не так как бы?
Странен судьбы не один поворот...
Эй, доживи до рифмованной свадьбы –
Ну, а до свадьбы душа заживет!
Эй, доживи – проплыви через мели!
Флаг – по реке! Океан – впереди...
Девушки – весны ко мне охладели –
Осень, нарядная дама, приди!

1981 г.

Именная баллада

Романову В.Р.

Василий Романович,
Годы летят!
Василий Романович,
Все шестьдесят!

А были ли молоды,
Где и когда?
Ах, вешняя вся
Убежала вода!

И кто-то сказал
Вот такие слова:
«Гуляйте, ребята,
Живем снова!»

А мы, молодые,
Любили страну.
А мы, молодые,
Пошли на войну.

А мы повидали –
Другим не видать!
А мы погуляли –
Другим не гулять!

Конечно, ты к жизни
Гражданской привык.
Но ты фронтовик.
Да и я фронтовик.

Я в море не плавал –
В пехоте служил.
А ты в зыбком кубрике
Жил не тужил.

Морская погодка,
Житье да бытье,
Подводная лодка,
Спасенье твое.

Припомни – всю водную
Толщу рубя,
Глубинная бомба
Искала тебя.

Припомни – враг бросил
Все карты на стол!

Но ты и тогда
От торпеды ушел.

Ты снова увидел
Сверкающий мир.
Хороший, видать,
У тебя командир!

Хорош экипаж –
Молодец к молодцу!
Ребятам таким
И награды к лицу.

Войну вспоминая,
Клоню к одному –
Давай-ка, товарищ,
Тебя обниму!

Да, мы погуляли –
Другим не гулять!
Да, мы повидали –
Другим не видать!

И вспомним, и вспомним
Про все, не спеша,
Романыч, Романыч,
Морская душа!

1981 г.

Незнакомка в шинели

Баллада

Всем маячила! С июня!
С воскресенья рокового!
Кто бы думал накануне
Оттолкнуться от такого?

Кто бы принял и поверил
Хоть за час перед рассветом?
Полулюди – полужвери
Известили нас об этом.

Первой пулей известили,
Первым танком, «хайлем» первым,
Птиц железных напустили,
Чтоб ударить нам по нервам.

Вот тогда-то, вот тогда-то,
На полоске приграничной,
Над израненным солдатом
Встал тот образ необычный.

Будто женщина в шинели...
Хоть расплывчато-неясен
Образ этот... пули пели...
Но чарующ и прекрасен.

И солдат тот взял и выжил!
Отступая, огрызался.
И врага узнал поближе –
Это опыт прибавлялся.

И сказал солдат: «Довольно!
Дома камня нет на камне.
Пусть и жутко, пусть и больно –
Силу Родина дала мне.

Больше я не отступаю!»
Вдруг – шаги. Вот – отшумели.
Поглядел – в окопе, с краю,
Эта женщина в шинели.

Образ четче, облик зримей.
И сказала – указала:

«Ты страну от скверны вымой.
До Берлина, запевала!»

Незнакомка удалилась,
Чуда привкус оставляя...
Сердце радостно забилося –
Не Победа ли, родная?

Тыл давал нам больше стали,
Он напрягся до предела.
Наши силы возрастали,
Песнь Победы загремела.

И как будто те же пули,
Те же мины и снаряды...
Мы на запад повернули!
Мы идем – Победа рядом!

Вспомнил бой у Перемышля –
Горечь тех минут теснится.
А теперь!.. Теперь мы вышли
К государственной границе!

Мы врага добьем – и в этом
Правда высшая, святая.
Сила русская с секретом –
В лихолетье возрастает.

И решающим ударом
Мы добились супостата.
Вот и вышло, что недаром
Незнакомка за солдатом.

Встал солдат у самой кромки,
У военной, у рейхстага.
Поглядел – а Незнакомка
Рядом-рядом, в полушаге.

Никуда от глаз не деться!
Он, оставшийся от взвода:
«Дай, родная, наглядеться –
Шли к тебе четыре года».

1984 г.

Раненый

Мини-баллада

Под ущербной луной
На холодной земле
Он, смертельно больной,
Распластался во мгле.

И виденье пришло
В неотступном бреду...
Вот родное село!
Он в весеннем саду!

Статен, молод, красив,
Он стоит у перил.
Белых яблонь разлив
Всю округу накрыл.

И в саду, как в доме,
За порогом ветвей,
Распевает ему
Про любовь соловей.

От картины такой
Встрепенулся боец.
Он не будет тоской
Метить слово «конец».

Пусть остался без сил,
Не страшит новый гул.
И в бессмертье вступил,
Будто в воду шагнул.

1984 г.

Фронтовые сестры

Баллада благодарности

Прекрасно быть в стихах воспетой
И честь заслуженна вполне.
Но женский пол особой метой
Навеки мечен на войне.

Глядишь – и птичка невеличка,
И жаль ее... Цветку бы цвести!
Но та бесстрашная сестричка
Презрела жалость, сбила лесть.

Она в окопы успевала,
Тащила грузного бойца,
Перевязала запевалу
И посрамила храбреца.

Девчонку взрывами качало,
Бросало раз, и два, и пять...
И если плакала вначале,
Так это ж надобно понять.

Да, слабый пол, куда попала
И в чем тут держится душа...
Но все концы и все начала –
Все к ней, волнуясь и спеша.

И слабость вся ушла куда-то...
Ее стрелковый батальон!
И вы спросите у солдата,
Кому обязан жизнью он.

Была землянка в три наката,
Да разметал свирепый шквал.

И вы спросите у солдата,
Кто эти раны бинтовал.

И было так – вся рота смята,
Сестра упала в прах и грязь.
И вы спросите у солдата,
Зачем он плачет, не стыдясь.

Наверно, друг, нельзя иначе,
Наверно, слишком боль сильна.
Седой солдат недаром плачет –
Убила девушку война.

Ушли те годы грозовые.
Ты жив, солдат, я жив, солдат.
А наши сестры фронтовые
В боях отчаянно стоят.

1985 г.

Орден Отечественной войны

Называют ту войну Великой.
Не мала гора потерь людских.
Заиграют орденские блики
На груди оставшихся в живых.

Все мы вновь представлены к награде.
Пой, земля! Цвети, зеленый дол!
Но и в будний день, и при параде
Помним мы о тех, кто не пришел.

Помним мы простреленные дали,
Станет, может быть, не по себе...

Вместе мы Отчизне присягали,
Да различны стали по судьбе.

Где друзья, что головы сложили?
Обелиск, похожий на броню!
Вместе мы Отечеству служили,
Порознь вышли к Вечному огню.

Встать бы им, погибшим, на денечек!
На часок! На четверть часа лишь!
Ощутить дурман весенних почек...
Память, память, что же ты шалишь?

Память, боль моя, всех помяни ты...
Я-то верю, встанут и пойдут.
Я гляжу на орден знаменитый –
Сколько смысла выявлено тут.

Сколько тут отчаянных свершений –
Будто флаги, к небу взметены!
Мы в бою не жалкие мишени.
Мы в бою спасители страны.

Схватки-волны многих укачали.
Смерть косила кучно и вразброс.
Орден чести – и большой печали,
Славы – и невыплаканных слез.

Что ж, играйте, орденские блики,
На груди оставшихся в живых!

Но и те, что не пришли с Великой –
Ордена мы носим и за них.

1985 г.

Снайпер

Баллада о военном счастье

Немецкий снайпер промахнулся –
По каске чиркнуло... Скандал!
Я на полмига чуть пригнулся,
А он чуть-чуть повыше взял.

Я по траншее шел. Светало.
Какая пуля? Где ей быть?
Но как же мало, как же мало
Порою ценим жизни нить!

Не спохватись я чуть пригнуться
И покажи он высший класс...
Да, мог бы смертью обернуться
Тот роковой рассветный час.

Но вот итог! Уж как мы квиты,
Уж кто велик, а кто и мал...
Ведь он меня считал убитым,
Да просчитался – и пропал.

Дней через пять его «пришили» –
У нас есть тоже мастера.
Спросить бы так: «Ну, Ганс, не ты ли
За мной охотился вчера?

Сегодня – плачь, твоя невеста!
Скули, придавленный твой дом!
Тебе живому нет здесь места.
Вот если мертвому – найдем.

Нам все фашистское постыло!
Хоть тяжело нам, но мы сильны!»
На Ленинградском фронте было.
И шел четвертый год войны.

1985 г.

Гаммы труда

Жизнь идет умело и упорно.
Сыну уступает в чем отец?
Стало электрично и моторно.
Стало электронно наконец.
Зерна, зерна – наших знаний зерна!
И глупец их ищет, и мудрец.

Посмеются два, один заплачет,
А ведь это надо увязать.
Старое ушло, подобно кляче,
Новое пытается дерзать.
Стала ли поэзия богаче,
Это еще надо доказать.

Гордая порода – эти люди.
Им, вишь, знаний больше подавай.
Человек укачиваться любит,
Нахватав успеха через край.
Но вопрос: а кто нас приголубит? –
Выплывет как будто невзначай.

Гром приветит? Буря приласкает?
Иль от уверений защемит?
Женский перехлест, слеза мужская,
Никогда не дремлющий магнит –
Радостей изменчивая стая...
Да вконец измаявшийся быт.

Ты добряк, а я чужак усталый
С думой о намеченных трудах.
Скоро не поймешь меня, пожалуй,
Хоть и я над златом не зачах.
Катимся да катимся помалу
В будущее, в прошлое, во прах.

Но кому манерничать охота,
Надо бы и дело вспоминать.
Главное-то, главное – работа.
Мастер – это князь. Умельцы – знать.
Труженики – это как по нотам
Жажущие жизнь свою сыграть.

1985 г.

Непреклонность

Он попался при облаве.
Оглушенный, не ушел.
Обер суд свирепый правит
И забрызган кровью пол.

Переводчик восклицает.
Разъярился обер сам.
Два мордатых полица
Помогают палачам.

Долго длится истязанье.
«Скажешь?» – Нет. – «Укажешь?» – Нет.
Неизменное молчанье
Громом падало в ответ.

Обер уши затыкает,
Будто вправду оглушен,
Пистолет затем хватает –
Из себя выходит он.

Кто сильнее? Это слишком!
Партизан без бороды,
Партизан, еще мальчишка,
Не уходит от беды!

И в зрачке качнулось дуло...
Жизни смерть не очернит!

Сердце пулю притянуло,
Как трепещущий магнит.

Час высок, смертельна рана,
Всенароден пьедестал...
Местный скульптор партизана
(Непреклонность!) изваял.

И стоит он, мальчик, вровень
С великанами... Судьба!
Брат по духу. Брат по крови.
Есть победа – нет раба.

Непреклонность! Будто пламя,
Словно вихрь из-под небес...
Притягательная память.
Горе. Слава. Брянский лес.

1985 г.

Земляк

Баллада-воспоминание

Был на фронте кореш у меня.
Был земляк что надо.
Говорил до смерти за два дня:
«Сын – моя отрада».

А затишье тлело. Бой умолк.
Чистим автоматы.
Не возьму, однако, сразу в толк –
Ну опять куда ты?

Вновь о сыне сладко говорит!
Горестно вздыхает.
Больно уж расстроенный на вид –
Думушка лихая.

Константин постарше был. К войне
Сыном обзавелся.
Я-то холостяк... Ему втройне
Тяжко, весь извелся.

А в бою был яростен, что зверь.
Ловок, как пантера.
Что ж тогда-то (думаю теперь) –
Пошатнулась вера?

Смерть почуял? Только сын да сын...
Клялся и прощался?
Про жену ни слова – сын один
С языка срывался.

Потаенно прячется жена
В сердце у солдата.
Но о сыне вся тоска видна
И слезой чревата.

«Знаешь, Костя, – говорю в обход, –
Отвлекаю друга, –
Как деревня, как народ,
Как-то вся округа?»

«Думаю, – ответил, – нелегко,
По простой причине».
И опять, вздыхая глубоко,
Все о нем, о сыне.

Так, вины не чуя за собой,
Чистим автоматы...
Для него настал последний бой!
Что ж, на то солдаты.

В генеральском плане есть дыра –
И в нее, бывает,
Еле крикнув русское «ура»,
С ходу попадают.

Что ты, Костя, будто бы нырнул?
Обо что споткнулся?
Что ты к дому руку повернул?
К сыну потянулся?

Прошептал кому-то: «... и хорош...»
Продержись подольше!
Что ты, Костя, больше не встаешь?
Иль не встанешь больше?

До конца, донельзя и дотла
Испарилась сила?
Гряньте, все оркестры! Жизнь ушла.
Жизнь отговорила.

Плачьте, все сироты! Вот еще
Новенький меж вами.
Он бедой военной окрещен,
Окроплен слезами.

Папочка зайдет! Зайдет во сне,
Без погон, без шума –
Ведь когда он падал на войне,
Он о сыне думал.

Краток был его отцовский путь...
Слов осталось мало.
Дайте, братцы, воздуха глотнуть!
Что-то душно стало.

1985 г.

Было дело

Вот как нам тогда приспело –
Защищать страну и честь.
Под Смоленском было дело,
Всех же дел не перечеть.

Далеко же до рейхстага!
Но история права.
Брестской крепости отвага
На столетия жива.

После тяжких поражений,
После горьких неудач
Грянул нам военный гений,
Развернулся нам кумач.

На победные знамена
Солнце глянуло светло.
Отыграла оборона,
Наступление пришло.

Взвод – в атаку! Пушки – к бою!
Танки – с ходу напролом!
Было дело под Москвою,
Сталинградом и Орлом.

Схватки в воздухе упорны,
Но за нами неба высь.
С морем Белым, с морем Черным
Наши фланги обнялись.

И прочтут в стихе былинном
Наши правнуки о том –
Было дело под Берлином,
Было в бункере самом.

Вот как нам тогда приспело –
Честь спасти, спасти страну.
Смело, крепко и умело
Завершили мы войну.

Мы сломили вражью силу.
В том потомкам наш пример.
Было дело за Россию
И за весь СССР.

1986 г.

Мой идеал

Баллада невозможания

Он то светил, мой идеал,
И вдохновлял, и торопил,
То беспричинно затухал –
Так я терял задор и пыл.
Но идеала не терял!
А людям это невдомек.
Им только видно, как я мал.
А дух высок, а дух высок!

И точно – вспыхивал опять
Мой идеал, я в гору шел.
И было весело начать –
Чтоб новый труд на старый стол!
Казниться не было причин.
А людям это невдомек.
Еще пою хоть день один.
Один денек, один денек!

Псы черных дум, подите прочь!
Не дастся вам мой идеал.
Пусть за днем маячит ночь –
Ведь я ночей не избегал.
Ведь я не выборочно жил.
А людям это невдомек.

И соберу остаток сил
В тугой комок, в тугой комок!

Долой неверующих! Им
Мой идеал житья не даст.
Духовной жаждою томим,
Переверну тяжелый пласт.
Спина (но не мечта!) в дугу.
А людям это невдомек.
И все равно я к ним бегу
Со всех-то ног, со всех-то ног!

И все равно я в мире свой.
Ведь идеал мой среди них.
Пока дышу, пока живой,
Не представляю дел иных –
Как до конца служить словам.
А людям это невдомек.
Нельзя же мчаться по стихам
Наискосок, наискосок!

Не потускнел он, идеал,
В водовороте бытия.
Из туч, как солнце, выплывал –
И за работу брался я.
И буду рад – мои труды,
Что были людям невдомек,
Взошли, как копия звезды.
Я превозмог, я превозмог!

1986 г.

Баллада военной поры

Усердно ходила Баллада,
Искала достойных людей –
Баллада старинного склада,
Живых современных идей.

Пошла с сорок первого года,
От первых пожаров и ран,
От первых страданий народа
(А слез впереди – океан).

Достойных приветствуя, рада
Единству великой семьи –
И ходит, и ходит Баллада,
И копит заметки свои.

Всех бед и душа не вмещает,
А повестей горестных – тьма.
Баллада других утешает –
Она безутешна сама.

Страну всю, от края до края,
Заботливо надо пройти.
И всем-то она, как родная,
Со всеми-то ей по пути.

Такая дана, значит, сила.
Спросите, вот житель села:
«Баллада была?» – «Заходила». –
«И к вам заходила?» – «Была».

И всюду, от края до края,
Навстречу открыты сердца.
И слышно: «Я долг выполняю.
Я выполню долг до конца».

Ой, горе в тылу! А на фронте
Бои – передышка – бои...
Фашисты, столицу не троньте –
Оставьте каски свои!

Ой, горе на фронте! Так надо:
Бои – передышка – бои...

Фашисты, у стен Сталинграда
Оставьте каски свои!

Ой, горе у всех! У которых
Бои – передышка – бои...
Фашисты, на наших просторах
Оставьте каски свои!

Фашисты!.. Грозит им Баллада.
Враги!.. И сметет их народ.
Победа – солдату награда
И маршалу – только вперед!

Пройдем мы в порыве едином
Изрытый снарядами тракт.
Фашистов добьем под Берлином.
В Берлине. И в бункере. Факт.

О чем лишь мечталось и снилось,
Узнала Баллада сполна.
Свершилось, свершилось, свершилось! –
Воскликнула трижды она.

По Красной по площади едет,
Гарцуя на белом коне,
Баллада о нашей Победе,
Ее Негасимом Огне.

1986 г.

На двоих

Баллада тихого пения

Встреча. Час очарованья.
И минута для признанья.
Три минуты на ответ.
От смущенья, от незнанья
Сколько слез и сколько бед!

Ты, когда-то дорогая,
Ты совсем-совсем другая.
Отчужденье – вот мой щит.
Кто кого переморгает.
Кто кого перемолчит.

Погляжу я в ту сторонку...
Позволительно ребёнку
Беззаботно жизнь вести.
Вот опять хохочет звонко,
Дура – ты меня прости.

Сам не умник. Сам вслепую
И ликую, и тоскую.
Неуютно самому.
Полюбил тебя – такую.
Неизвестно – почему.

Нас судьба случайно сводит.
Огород она городит.
Загоняет в тупики.
Совесьть ропщет. Жизнь проходит.
Взять бы!.. Руки коротки.

Перво-наперво смущенье.
За какое угощенье
Так-то милостлива ты?
Дети мы... Коловращенье,
Почитанье суеты.

Дети мы... Не повзрослели!
И приблизились ли к цели?
И пытались ли взрослеть?
Мало-мало, еле-еле,
Тихо-тихо песню петь.

1986 г.

Первое четверостишие

Баллада рождения

Надо сознаться, друзья
(Дивно подумать об этом),
Надо сознаться, что я
Был шестилетним поэтом.

Вечер, деревня, изба,
Сказка, частушка да песня...
Что тут попишешь – судьба.
Я? И поэт этот местный?

Как это все увязать?
И, тем не менее, было.
Впору от страха дрожать –
И, тем не менее, мило.

Странности были потом.
Будто и в думах – сутулость.
Крест на стихах. За крестом
Рифма от слов отшатнулась.

Иль оторвусь от избы?
Память об этом угрюма.
Начисто все позабыл
И возвращаться не думал.

Школа. Пишу не стихи.
В прозе сдаю сочиненья.
Замыслы – так, от сохи.
Помыслы – так, от смущенья.

Тут еще вышла война.
Ну и пошло, покатилося...
Но хоть бы строчка одна!
Вот она, Музы немилость!

Надо явиться с войны,
Заново жить было надо,
Прежде чем строки, стройны,
Выросли в строф колоннаду.

Случай? Случайного нет?
Книга в руках, будто зуммер.
Бунинский выстрел – «Мушкет» –
Сразу меня образумил.

Пью жадно, как из ковша.
Взор упирается в алость.
К снам пробуждалась душа.
Сердце к любви пробуждалось.

Прошлое! Тающий дым!
Что – та деревня уснула?
Муза со словом живым
Под руку тихо прильнула.

Слезы? Рябит и пестрит...
И расколдованным веет...
То, что не может старик,
Мальчик шести лет умеет.

Мальчик! О, мальчик! Взгляни!
Ты – я? Он? Что он пророчит?
Что не доделали дни,
Что понаделали ночи.

Вот, озабочен и сед,
Тихо склонился в печали...
Долгих четырнадцать лет
Вещие струны молчали.

1986 г.

Вальс «Память цветов»

К +++, память о Днепрпетровске

Я люблю этот вальс – незаконно.
Что Вы смотрите так удивленно?
Ведь когда Вы меня полюбили –
Сами Вы беззаконье творили.

Дифирамб искусителю-змею.
Возмущаться бы надо – не смею.
Вон из сердца! – пустая затея.
С глаз долой! – что со мной, кто я, где я...

Вальсу «Память цветов» сто столетий.
Спали с ним фараоновы дети.
Шах персидский восточно-дремотно
Знал его поименно-понотно.

К богдыхану и знатному баю
Шли танцовщицы с ним – утверждаю.
Где-то чаще звучал, где-то реже.
Лад немного другой, страсти те же.

Это все я к чему, дорогая?
А прислушайтесь! Он, набегая,
Захватил наши души – и бросил...
Я в ответе. А Вы? Вы в вопросе?

Я к тому это все, дорогая –
Вас напрасно сменила другая.
Все не гаснет усталое пламя.
Это «Память цветов». Это память.

1986 г.

Обледенение

Разве не странно, о, милый ты мой?
Холодно, холодно стало.
Сладко ли мне, хорошо ли одной,
Месяц одной – я устала.
«Что же тут странного, радость моя?
Месяц за месяцем – смело!
Дальние держат подолгу края,
Это обычное дело.»

Разве не странно, о, милый ты мой?
Высказал эту идею –
Месяц за месяцем... Год! И другой
Я без тебя холодею!
«Что же тут странного, радость моя?
Сжитья учила не ты ли?
Жалила долго разлука-змея.
Оба, наверно, остыли».

Разве не странно, о, милый ты мой?
Речь у тебя ледяная.
Лето затоптано лютой зимой.
И на распутье одна я.
«Что же тут странного, радость моя?
Прошное нам отрезают.
Здесь, словно ком, нарастает семья.
Клятвы как дым исчезают».

1986 г.

Под Тулой

Память несыта,
Время зудит.
Рота забыта,
Взвод не забыт.

Вспомню немного,
Бой или два...
Там, за дорогой
Прямо Москва!

Вятка ли, Пермь ли,
Сибиряки –
Только теперь мы
Все туляки.

К бою, так к бою!
Родина-мать,
Нам под Москвою
Насмерть стоять.

В зареве дали...
Все, что могли!
Насмерть стояли
И полегли.

Вятка ли, Пермь ли,
Сибиряки –
Значит, теперь мы
Все туляки.

Рота забыта,
Взвод не забыт...
Бито-побито.
Что-то знобит.

1986 г.

Фиалка судьбы

Судьба человека цветком расцветает.
Каков будет этот цветок?
Забота такая – забота святая
На долгий задуманный срок.

Обманет гадалка, поможет закалка,
Родная спасет сторона.
Полейте фиалку, полейте фиалку!
Без ласки завянет она.

Дружили с дождями цветы полевые,
А комнатным не с кем дружить.
Вот Вы подойдите, полейте впервые,
Чтоб душу свою освежить.

Не все подневольно, не все из-под палки,
И совесть проснуться должна.
Полейте фиалку, полейте фиалку!
Без ласки завянет она.

1986 г.

В цехе графоманов

Не известен, не славен, не чтим.
К пенсионному возрасту – ноль.
Непонятым упорством своим
Причинял окружающим боль.

Правда, нет и большого вреда
От писания в тихом углу.
В графоманы пошел навсегда,
Как гнилушка в вечернюю мглу.

Почитание – тонкая вещь,
А гнилушка, как тень от огня.
Если впился в бумагу, как клещ –
Я не злой, не давите меня.

Я не злой и совсем небольшой,
Мне под солнцем и места с пятак.
Что-то все-таки есть за душой,
И барыш не по мне – так за так.

Ремесло стихотворца старо.
Вышло, я за отца не пахал.
Просто делал по силам добро.
А за это не надо похвал.

А за это меня Божий суд
Успокоит: «Писал – и пиши».
Графоманские строки спасут
Ту, земную, частицу души.

И не громкая муза права.
И простителен мой малый вес.
О, слова, о, слова, о, слова!
Благодатные зерна небес.

1986 г.

За деревней

За родной деревней поле,
А за полем темный лес...
В годы детства поневоле
Я, седой уже, полез.
Что-то в детстве я оставил
И грустить себя заставил,
Ибо в детстве нету правил –
С исключениями и без...

За родной деревней речка,
А за речкой милый луг...
В годы детства за уздечкой –
Конь поймается не вдруг.
Полевых цветов узоры,
Равновесье для опоры
И ребячьи разговоры –
Ты мой друг и я твой друг.

За деревней – все там, все там...
Даль за далью, жизни бег
По тропинкам, по болотам
Без надежды на ночлег.
Мысли первые дерзання,
Та закладка основанья,
Без чего не будет зданья...
Пал на детство белый снег.

1986 г.

Фильм о Гражданской

Позвольте... Не позволю!
Войдите... Не войду!
По ласковому полю –
У смерти на виду.

И кони были в мыле,
И пулеметчик нем,
И пулями навывлет,
И саблей насовсем!

Вы знали... К черту! К черту!!
Предвидели... Прочь! Прочь!!
Железная когорта
Погибла в эту ночь.

Там хлопчики с двуконки
Попадали во тьму.
Там плакала девчонка
По батьке своему.

Там брат и брат – не братья.
Там отчество не в счет.
Последние проклятья
Удар пересечет.

Не Русь они прославят,
Победы нет совсем,
А нам тоску оставят:
«Зачем? Зачем? Зачем?»

1987 г.

Сердце стучит

Воевода спросил: «Будет сеча?»
Князь ответил: «Была не была».
Развернулись могучие плечи.
Полетела со свистом стрела.

Поединщик навстречу поехал
И навстречу другой поскакал.
Грянут о землю чьи-то доспехи
И вернется другой средь похвал.

Говорят, в старину это было.
К нам война не такая пришла.
У людей кровь от ужаса стыла,
От потерь – рокового числа.

Нам самим мозговать и кумекать –
Поединщикам света и тьмы.
На исходе двадцатого века
Все неясно – разумны ли мы.

Атмосфера вокруг грозовая.
То на меч погляжу, то на щит.
Милосердия! – разум вызывает.
Ми-ло-сер-ди-я! – сердце стучит.

1987 г.

Высота Пенсионная

Дружеское послание

В Караваеве живу,
Право, не нуждаюсь.
Не во сне, а наяву
Жизнью наслаждаюсь.

Отсчитала много лет
И еще считает...
Пусть морщинист, худ и сед,
А в душе светает.

А невзгоды – пустяки.
А болезни – сказки.
И не вяну от тоски,
Не бегу от ласки.

В Караваеве живу,
Приглашаю к чаю.
Не во сне, а наяву
Взбучки получаю.

Счету нету синякам,
Я и не считаю.
К именитым дуракам
Выпускаю стаю...

Стаю мелких эпиграмм –
Большого не стоят.
Из-за них по вечерам
Слезы лить? Пустое!

Лучше другу написать.
Старый грех исправить.
Лучше добрую печать
На веку поставить.

Не во сне, а наяву
Будь ты, жизнь, красивой!
В Караваеве живу,
А дышу Россией.

Лучшей доли не видать,
Выше не подняться.
И за эту благодать
Век не рассчитывать.

1988 г.

Роща Несвященная

Зеленая баллада

Здравствуй, роща! Шелест твой,
Шепот этот за листвою,
 Пересветы эти,
Яркий цвет и тихий звук –
Это все из первых рук,
 Все из рук столетий.

Подарили предки нам
Ствол и крону, шум и гам,
 И лесные вздохи.
Мы потомков подвели,
Оказались на мели,
 Потому что плохи.

Лес валили без ума.
Экология сама –
 Стонет, дорогая...
Сын увидит эти пни.
Внук не спрячется в тени.
 Правнук обругает.

И ни пташки, ни зверька,
Лишь зеленая тоска,
Только корни плачут.
Лес погублен. Роща, ты
Сохрани его черты!
И молву впридачу.

Ты ведь издали видна,
На округу ты одна...
Иль исчезнешь скоро?
Что-то екнуло в груди...
Роща, роща, пощади!
Не шепчи укора.

Я тебя любил, любил!
Безоглядно не рубил
Часть моей Вселенной.
И такие вот дела –
Несвященною была,
А теперь священна.

Что-то с будущим придет,
Что-то с прошлым отомрет,
Что дано, что взято.
Чтоб не шла тоска на ум,
Нужен твой зеленый шум.
Свято. Свято. Свято.

1988 г.

Обелиск в поле

Поле битое.
Поле жатое.
Боль открытая.
Зло треклятое.

И иссечено,
И исхлестано,
И за встречами
Были росстани.

Так мы вспоены –
Шли, не ахали.
Мы и воины,
Мы и пахари.

Рвы и вмятины,
Фронтом мечены,
Позапрятаны,
Засекречены.

Мы ли пропили?
Мы ли черствые?
Здесь ведь, во поле,
Братья мертвые.

Жизнь усталая.
Связь обратная.
Кровь немалая.
Служба ратная.

Боль – оскомина...
Сон под плитами...
Так мы вскормлены,
Так воспитаны.

1988 г.

Старая песня

Что я слышу?
Милый мой
Улыбается другой!
То-то не было его,

Дорогого моего.
То-то сердцу тайный знак –
Все другое, все не так.
О, мой милый, вернись –
Передумай, не женись!

Что я сделаю? К нему,
Господину моему,
Пташкой малой полечу,
Слезной речью прошепчу...
И на новую весну
Сердце к сердцу поверну,
Оторву от другой...
Данный муж! Желанный! Мой!

Если, милый, все не так,
Если верен тайный знак
И, покинутая, я
Разлюблю свои края,
Темный омут полюблю,
Приходить тебе велю, -
Уследишь ли за мной
Под русалочной волной?

1988 г.

И всё-таки...

Что наши нервы не канаты,
Что мы бедны, хоть и богаты,
 А край блаженства не для нас, –
Мы знали то... Но мы солдаты,
 Мы на разведке, мы от масс.

И мы готовы для полета,
И соколиная охота
 Не только в прошлом и былом.
Он будет, будет, круг почета,
 Как торжество добра над злом.

А что страдали мы когда-то,
Не поколение виновато.
 Оно не оскверняло храм.
Неотторгаемо и свято:
 Надежде мы, надежда нам.

Да, так – претит карикатура.
Да, ущемленная культура
 Сама себя не узнает.
Да, сыро, ветрено и хмуро...
 Но меньше все-таки тенет.
1988 г.

Раньше и теперь

Виктору Куликову

Неслучайный мой друг и судья!
Я твой друг, а еще подсудимый,
Из колодца пустая бадья,
Дождь, прошедший хоть рядом, да мимо.

Мало радости ближним принес.
Больше было пустых огорчений.
И поэтому первый вопрос:
Что стихи, как не бледные тени?

Восхвалять нашу жизнь не с руки.
Нет воскрылия – нет и полета.
Над эпохой свистят сквозняки,
А по сердцу тревоги колотят.

Раньше ласковый дождь-чародей
Не грозил устрашающей бездной.
А теперь от кислотных дождей
По земле половодье болезней.

Корень зла нынче мощно пророс.
И поникла надежда святая.
И второй подступает вопрос:
Где поэзия, где обитает?

Это важно! И в смысле прямом,
И в другом, потайном, переносном.
Все бы верить, что красен наш дом
И в России по-прежнему росно.

Все бы верить, что вот доброта
Не скудеет от мая до мая.
Только третий вопрос неспроста
Дни коверкает, ночи ломает.

Неужели мосты подождгли
И доверья к обычному нету?
Раньше уголь из шахты везли,
А теперь – прячут в шахту ракету.

Я тебе не вопросы задам,
Я, пожалуй, ответ нарисую.
На безлюдье не место стихам!
Песни требуют душу живую.

1988 г.

В покинутой деревне

Кто же это – гражданин?
Как полней осмыслить?
Гражданином долг один
Позволяет числить?

Или – выполненный долг?
Или – просто рвеньё?
Если, значит, тот умолк –
Этому почтенье?

Кто у власти, у руля,
Тот и победитель?
Он ли, он, моя земля,
Ангел-охранитель?

Было, было их, таких,
В орденах и в лентах,
Трижды (больше!) золотых
И при монументах.

Здесь вот пахарь бросил дом –
Черная година.
Потеряли мы при том
Истинного сына.

Гражданина про запас
У страны не стало.
У России – много нас.
Для России – мало.

Постараться для страны,
Возвеличить долю...
Не соскучились, сыны,
По родному полю?

1988 г.

Жалоба

Передержаны сроки,
И часы все пустей.
Никакая сорока
Не приносит вестей.

Что ни день, то осечка.
Ночь – бездонный провал.
О тебе ни словечка
Целый год не знавал.

Легок век на помине,
Год за годом – и сто.
А давай-ка прикинем,
Нам разлука на что?

Нет, других мы не учим.
Нам самим бы понять,
Как на годы, на кручи
Свое сердце поднять.

Как на веру решиться.
Как безверье сорвать.
Не во зле копошиться,
А добро собирать.

Но слова – домочадцы
Так бессильны порой.
Не могу достучаться –
Сердце мне приоткрой!

Жестко мне изголовье.
Трудно жду день-деньской.
Закормили любовью.
Задарили тоской.

1988 г.

Об остальном

За строки – расплата. Талантливым – тяжело.
Не рукопись это, а просто бумажка.
Кончается дело отказом и стрессом.
А все остальное под прессом, под прессом.

Но мы не сдаемся и боремся лихо.
Пылятся тетради безвестно и тихо.
Слова – оболочки, а замыслы – ядра.
А все остальное – за кадром, за кадром.

Ну чей путь при жизни усыпан цветами?
Какие усилия вложили мы сами?
Заряд – от любимой, от друга – подмога.
А все остальное от Бога, от Бога.

1988 г.

Наверное

Динамика со статикой
В бою перехлестнулись.
Касатики-солдатики
Ушли да не вернулись.

Война и мир заспорили...
Смените гнев на милость!
А люди перессорились
И кровушкой умылись.

Что горести? Что сладости?
Пастух – и с ним подпасок.
А вдовам не до радостей.
Сиротам не до плясок.

Ну что же мы, ученые,
То ладим, то звереем?
Крученые, толченые,
Учиться не умеем?

Подходит нам грамматика,
Да писари инертны.
Динамика со статикой,
Наверное, бессмертны.

1988 г.

Всё

Обо всем понемногу,
В мир входя, узнаем
И, пускаясь в дорогу,
Просим счастья взаем.

Оправдать бы доверье,
Не забыть бы вернуть.
Сразу, сразу за дверью
Начинается путь!

Дни тревожны и хрупки,
Ночи редко нежны.
Не краснеть за поступки!
Не бояться за сны!

Наш паек жизни скуден.
Пересчитаны дни.
Чем мы были, чем будем,
Во Вселенной одни.

Там сатирой, здесь одой.
Здесь свеча, там костер.
И слиянье с природой.
И с природою спор.

Не попросишь подмогу
И не встанешь спиной.
Обо всем – понемногу.
Все – о жизни одной.

1988 г.

Вместо молитвы

Баллада горечи

В честь репрессий песню петь –
По живому резать.
Надо дух из гроз иметь,
Нервы из железа.

Надо боли ворошить –
Доля горевая.
Надо сто смертей прожить,
Сердце не взрывая.

Неужели с прошлым связь
Ценна, но – ужасна?
Неужели кровь лилась
Часто, но – напрасно?

«Встань, забитый человек!» –
Прозвучало свыше.
«Ставь одну из светлых вех!» –
Снова голос слышен.

Откатились упыри,
Вроде полегчало.
Здравствуй – раз, и два, и три –
Светлое начало!

Здравствуй – и не обмани!
Здравствуй – разгорайся!
На Россию в эти дни
Литься постарайся.

Та ли Русь? Везде болит!
А народ-то тот ли?
Богородица стоит
И сквозь слезы смотрит.

1989 г.

Политграмма *Болитграмма*

Ну зачем сталинистами звать?
Мы и сами не рады тому,
Что с верховного места плевать
Удавалось ему одному.

Да, вот так – идеал оплевал,
Посшибал всех достойнейших с ног,
Уклонистов легко разменял,
Оппозицию стер в порошок.

Есть заслуги – под минус и плюс.
Нет единства – во славу и гнев.
Так к какому крылу прилеплюсь?
Ринусь в бой? Отойду, присмирив?

Различаемся мы по тому,
Как решаем вопрос коренной.
Не мираж ли? Открыли тюрьму.
Не ошибся? Запахло весной.

1990 г.

Ефим

Баллада одухотворенности

Проездом из Шаблова в Город Мечты
Чудак-человек понастроил мосты.
И был у него разукрашенный дом.
Давай, друг, тихонько к Ефиму войдем.

Не дом, целый мир, излучающий свет,
Вселенская ширь, а хозяина нет.
Но ширятся краски, теснятся стихи,
Хоть сам-то хозяин пошел от сохи.

Хоть он тут, в деревне, воистину свой.
Без зла говорили: «Мужик с головой».
И шли на спектакли, и спорили с ним,
Уж так ли, не так ли, а люб был Ефим.

Немалые годы в былое ушли.
Остались следы в деревенской пыли,
Остались картины, итог наш таков:
Хоть нет Честнякова – живет Честняков!

Середь Костромщины, в убогой глуши,
Осталась частица добрейшей души.
И прошлому быть, и грядущее в счет,
И Город Мечты неизменно влечет.

1990 г.

В том 1933

Баллада рубежа

И вот опять неурожай
В том памятном году...
Неурожай, не угрожай!
Я в первый класс пойду!

Сегодня выгребли зерно.
Вчера забрали кур.
А душу вытоптал давно
Верховный самодур.

Где спор и бунт, туда войска,
Расправа коротка.
Крестьянству хлеба ни куска
И воли ни глотка.

А холод, холод по весне –
До мозга, до костей.
А голод, голод по стране –
И добрых нет вестей.

О, солнце правды! Твой восход
Всегда, всегда в чести!
Ведь это тридцать третий год –
И в школу мне идти.

Я так мечтал пером водить
И книжку прочитать.
Я так хотел бы удивить –
Учусь! – отца и мать.

Хочу узнать про нашу Русь –
Ну пусть не все, пусть треть...
Пустите в школу! Научусь.
Не дайте умереть.

1990 г.

На плацу

Строевая баллада

Из курсантского прошлого, г. Киев

Какие они – послевоенные!
Пришла Великая – к концу.
Мы, это мы-то, мирнопленные,
Мы, из окопов – на плацу.

Что – от удачи? Что – от мистики?
Сумела мать наворожить?
Здесь – вы подумайте! – шагистика.
Не умирать зовут, а жить.

А победило дело правое.
И воронье побеждено.
Ружье разряжено – во здравие,
А в память – выпито вино.

Он не вернулся, брат по истине
И больше брата на войне –
И слезы честные и чистые
Не растворяются в вине.

Да и рубцы, брат, не растаяли,
Да и тоску, брат, не добить.
И подготовка строевая ли
Заставит старое забыть?

А на плацу команда новая.
Как надо, так и повернусь.
Командуй, Родина! От слова я –
Готов обнять святую Русь.

Готов воспрянуть, мирно окая
При полной доле бытия.

Воспоминания широкие
Опять выстраиваю я.

И мой мирок зажатый, узенький –
Шеренга сзади, по пятам.
И не забыть военной музыки –
Какие марши были там!

Мы по линейке отшнурованы.
С войны пришел, а не балуй.
У киевлян помаршировано.
От Украины поцелуй.

Кому чего еще отмерится...
Вот-вот, печатаюсь... К лицу?
А как подумаю – не верится...
И стих печатал на плацу!

1990 г.

Перескоки

Баллада устройства

Дух мира несносен
Поборникам тьмы.
Хранителям весен
Сочувствуем мы.

Народ-то хороший...
Хорош, да не весь –
С похабною ношей
На праздник не лезь!

Хотел бы я выплыть,
Хотел бы восстать –
А голос мой хриплый
И согнута стать.

А ум мой не гибкий
И вера слаба.
Просчеты, ошибки,
Повадки раба.

Ущербная слава
Как сажа бела.
И жил я коряво,
И жизнь обвела.

И в мире, как в стойле,
В миру, как во сне...
Да так ли, да ой-ли,
Да лишенько мне?

А если по песне,
А если по дню,
А если воскресну –
И вдрызг западню?

Мир духа сквозь войны
Выходим на связь.
...И жил я достойно,
И жизнь удалась!

1990 г.

План

Баллада выдержки

Так велик (а в итоге ничтожен)
Старый замысел, ветхий мой план.
Как клинок вынимает из ножен,
Достаю – и впадаю в обман.

Все не то. Все не так. Просвистели
Ошалелые белые дни.
Ночи, верно, и те ближе к цели,
Потому что нейтральны они.

Полюблю не одну, так другую,
Есть же в них хоть крупица добра.
С ошалелыми днями воюю,
Через завтра рубясь во вчера.

Минус, плюс (а итог еще будет!),
Сутки – камешки в чей огород...
Лишь не дать бы духовной остуде
Через меру прорваться вперед.

Ветхий план не ничтожен, быть может.
Не напрасна борьба, может быть.
Не один, так другой день мой тоже
Постараюсь еще полюбить.

Утро, вечер – и склеены сутки
На манер христианской семьи.
Неужели не поняли шутки
В небесах ангелочки мои.

Тонут тени их в облачной вате.
Горний дух их полетом согрет.
Неужели терпенья не хватит
Жить какую-то тысячу лет.

А еще бы уйти без обмана,
Разорвать обыдёнщины сеть,
За деталями ветхого плана
Всю дорогу свою разглядеть.

Но не ради зазнайства, а ради
Молодой и горячей строки,
Чтобы там, даже там, на параде,
Были сны глубоки-глубоки.

1990 г.

Веление

Баллада прояснения

По велению здравого смысла
Опадает сомнений листва,
И мои заповедные числа
Переходят в иные слова.

Сотый день на декаду апреля,
На судьбу просветленный рубеж –
И глаголет, и славит неделя,
Будто я по-воскресному свеж.

Нет же, нет, я совсем не бездельник!
И судьбу волоку, аки вол.
Затянувшийся мой понедельник,
По присловью, суров и тяжел.

Только я не воскликну: доколе?
И в сердцах не добавлю: скорей!
Но приходится волей-неволей
Опирается на старых друзей.

Вечно здравствуйте, книги! Над вами
Только названный дух, только бог.
И стихи верстовыми столбами
Помаячат у старых дорог.

Там моя потаенная алость
Да короткая память во вне...
Вот и все, что от смысла осталось
На прожиточный минимум мне.

1990 г.

Она

Баллада-оберег

Не сорви на цвету,
Не ходи за черту –
Разуверюсь в тебе,
За измену сочту.

Почись у зари,
Немотой говори –
Только слово «люблю»
На губах повтори.

По заветному дню
Я себе изменю –
Брошу гордость свою
И тебя догоню.

Только это потом,
За великим постом –
Как за душевной порой
Очистительный гром.

Так не рви до поры,
Будут слаще дары –
Песня наших сердец
Выше правил игры.

Презирая молву,
Я грядущим живу.
Мне – колечком в судьбе,
Мне – женою тебе.

1990 г.

Погода России

Баллада приближения

Прохладным было лето и дождливым,
Но все-таки не ропотом займусь.
Какое ты немыслимое диво,
Навеки новоявленная Русь!

Приглядывались, били и ломали.
Дружили и ревниво стерегли.
Твои неокольцованные дали
С надрывом окликают журавли.

Сойдем ли мы, дурнея год за годом,
С расхристанной, разбитой колеи?
Резвились, помыкаяючи народом,
Бездарные правители твои.

Великая Россия, слава предков,
Держава, устремленная на взлет.
Тебя, многострадальную, нередко
Качает так, что оторопь берет.

Не по дождю, не по тупой прохладе
В ажур бежать и радостью дышать.
Не по такой погоде слово ладить –
А надо, ибо просится душа.

Судьба погоду делает – и, значит,
Останемся сынами на Руси.
Вот выполним подножную задачу –
И в небо поглядим: «... иже еси...»

Молитва никогда не помешает,
Нелишне за собою присмотреть.
Творить – задача самая большая,
Хотя б осуществленная на треть.

Соблазны, как расставленные сети...
О, жизнь, на смерть способна ты одна!
На мелочи потрачено две трети,
А им процентик – красная цена.

Давай, давай, Россия, по погоде...
Прими, ведь ты единственный наш дом.
Вокруг да еще около ходим.
А, может быть, и в точку попадем.

1990 г.

Тени друзей

Баллада неотделимости

Что особенно сладостно в жизни моей?
Это дружеский зов, это тени друзей.
Что особенно горестно, с чем не смирюсь?
Потерять эти тени безмерно боюсь.

В колокольчики детства нарядно звеня,
Тени в розовый мир возвращают меня.
На тревожную юность упала судьба,
Все мы поняли – жизнь и мила, и груба.

Неужели забвением друга предам?
Только тень отошла от упавшего там,
Там, на долгой войне, на чужой стороне...
Даже солнце качнулось – почудилось мне!

Что так жадно гляжу в разыгравшийся день?
Вот одна, вот другая неясная тень!
Только кто же они, только где же они?
Сопоставь, убедись, разыщи, догони!

1990 г.

Обращение

Почти молитва

Сам по себе самостиен,
Пэр – потому что с пером,
Стих – потому что стихиен,
Глас – потому что и гром.

Господи, господи! Воля –
Воля твоя и моя?
Я только в песне (не боле!)
Райские вижу края.

В этом и дай мне потачку,
В этом и мудрость яви.
Жизнь-то ушла на раскачку,
Боль-то осела в крови.

Только, сложна и угрюма,
Память гудит в тишине.
Только старинная дума
Стоящей кажется мне.

На кругозор я не выйду
Воле твоей вопреки.
И не сочти за обиду
Позднюю резвость строки.

Чисто, без примесей всяких,
Лоно покинув едва,
Буквы, небесные знаки,
Встали в земные слова.

Все ты и видишь, и знаешь –
Вот, огонек от огня,
Искорка, рифма живая,
Пала с небес на меня.

1990 г.

Музыка дум

Баллада движения

Пел соловей заколдованно-истово,
Пел про любовь, как хмельное вино.
Не соловейко, а сам я насвистывал,
Только подобное было давно.

Жизнь научила – судьба перепутала.
Счастье дано – и несчастье дано.
Солнцем объяла – туманом окутала.
Но ведь и это все было давно.

Вот и поется, как будто икается.
Кто меня вспомнил, в какой стороне?
Люди под старость мудреют и каются.
Как же покаяться грешному мне?

Я попытался бы набожно-истово
Высказать душу в приглушенный стих, –
Кто согласится принять эту исповедь,
Нынче не принято слушать других.

А пред тобою, Господь, исповедаться...
Будешь ли слушать? Зачтешь ли мольбу?
...Тихо и медленно музыка цедится,
Будто боится поранить судьбу.

1990 г.

Путь веры

Баллада поиска

Помолясь, очистимся от скверны.
Ясь легонько голову кружит.
Наше счастье, может быть, и верно
За семью печатями лежит.

Может быть, и вера нам зачтется.
Мы пойдем, поищем... В добрый путь!
Отдохнуть у старого колодца
И воды, как веры, зачерпнуть.

Вы вперед и я вперед – по праву
Капли в море, цветика в траве...
Не пустить бы в душеньку отраву.
Не носить бы смуту в голове.

Может быть, не столь туманны дали.
Может, мы у истины самой.
Может, шесть печатей разгадали.
Может, дело только за седьмой.

1990 г.

В житейском море

Баллада слияния

И шумен день, и ночь безмолвна,
И не иссяк огонь души.
На поэтические волны
Направить лодку поспеши.

Пускай с годами реже, реже
Подвластен взору вольный край, –
На прозаическом побережье
Продлить огонь не забывай.

На суше учимся расчету.
Примерь и раз, и два, и три.
Но и морскую чти работу,
Нептуну клятву повтори.

Не затевай с богами свару.
Напомни ближним о любви.
Поставь на лодке белый парус
И под закатом уплыви.

1990 г.

Вылет

Баллада касания

Ты заснул, ты завял,
Ты лежишь, как подкидыш.
Накатил сонный вал –
Что ты чуешь и видишь?

Легким махом шурша,
Воссияв от полета,
Улетела душа
За порог, за ворота.

На большие луга,
На безгрешные пашни...
О, как ночь дорога
За порядок всегдашний!

Можно гордость унять –
Верно, хватит и трети.
Или – бога познать.
Или – ангела встретить.

Чуть испив из Ковша,
Чуть отведав эфира,
Повернула душа
В край подлунного мира.

Надо тело найти!
... Ты лежишь, как подкидыш...
По земному пути
Прямо к богу не выйдешь.

Надо небу послать
И молитвы, и просьбы –
Иль, изгою под стать,
Горевать не пришлось бы.

Просыпайся! Впусти
Просветленную душу.
И да будет в чести:
Я завет не нарушу.

Богоданный завет,
Наш урезанный разум.
Да и нет, да и нет,
Да и нет – раз за разом.

... Кто-то сонь уволок,
Ссохлась полночь глухая:
И душа (мотылек!)
Возвратилась порхая.

1990 г.

Мой ангел

Баллада почитания

Я еще не сбитый,
Я еще не пленный –
В корень погляди ты,
Ангел мой бесценный.

Пасмурно и тряско –
Где бывшая крепость?
Старая закваска,
Новая нелепость.

Там напоминанье,
Здесь отказ, вестимо.
Там непониманье,
Здесь несовместимость.

Я в бега пустился,
То-то будет смеху.
Я бы год постился,
Только мне не к спеху.

В думах ехал шибко,
В жизни все иначе.
Не сорвись, ошибка!
Не замай, удача!

Будут домочадцы
Воздыхать и дуться...
Невдогад умчатся,
Невдомек вернуться.

С думою одною:
Свежий да зеленый,
Что ж я сединою
Щедро убеленный?

У кого повызнять,
На кого сослаться...
Вытканы по жизни
Стиховые святцы.

Начисто забыли
Проповедь святую.
Искренность срубили
Тоже подчистую.

По лесу согреюсь,
Во поле настыну.
Долг отдам скорее
Другу, брату, сыну.

Приглашаю к чуду
Сына, брата, друга.
Вычеркнут не буду
Из земного круга.

Из небесной сферы,
Из любви и слова...

Иль не будет веры?
Но она – основа!

Ангел мой бесценный,
В корень погляди ты –
Я еще не пленный,
Я еще не сбитый.

1991 г.

Перепад

Баллада неотступности

«Я все сказал», – так скажет не поэт.
Так скажет вождь, герой, мудрец, законник.
А вот поэт идет на звук, на свет,
На взгляд, на мысль – он поиска поклонник.

И в этом смысле неостановим.
Покуда жив, всего сказать не может.
А бранный мир покинуть – Бог бы с ним,
Да вот тоска несказанного гложет.

Есть вещий знак: Поэт – не трафарет.
Ему никак не можно повторяться.
Он сам себе неведомый секрет.
Коль мысли нет, уж лучше отмолчаться.

Да, он сказал, но сказанным не сыт.
Тревогу дней сквозь сердце пропуская,
Подобно грому с миром говорит
И так молчит, как впадина морская.

Велик его словесный перепад.
Нетчислимо песенное стадо.
А если жизнь прижмет – и сам не рад...
И сам не рад, да высказаться надо.

1991 г.

Тот же вопрос

Баллада поиска

Карман оттянут, но не златом.
Не славой ум отягощен.
В строку вгоняю слово-атом...
Наказан буду иль прощен?

Над кем призванье тяготее,
Предназначение висит,
Тот обделенней – и святее,
Тот вечно голоден – и сыт.

Пусть труд мой мал и непрестижен,
Через него я мыслю впрок –
И к умиленью не приближен,
И от отчаянья далек.

Не редкий дар тому причиной,
Не исключительность... Судьба!
Судьба – с круженьем и кручиной,
В недостигаемость ходьба.

О, человек! Коварней смеси
В подлунной не изобрели.
Что в нем преидет? Что перевесит?
В нем неба больше иль земли?

1991 г.

Посещение

Баллада долга

Еще жива, жива старушка,
Хоть быт ее убог и сир.
Еще стоит, стоит избушка
И смотрит окнами на мир.

Еще в неделю раз привозят
Недорогой сельповский хлеб.
Но все здесь помнит об угрозе
И неотступности судеб.

А я ведь помню тетю Клаву
Несообразно молодой...
Так помоги ей, Боже правый,
Здесь устоять перед бедой!

В войну – на мужа похоронка.
Потом – на милых сыновей.
И – ни невестки, ни внучонка.
И – только старость-суховей.

Заглянет месяц-полуночник,
Уйдет за облако назад...
И я пришел не как помощник,
А, как, наверно, верхогляд.

И от меня тепла немного,
Хоть вижу – рада и тому,
Что вот нашел сюда дорогу,
И хорошо, что гость в дому.

И потекли воспоминанья...
Пью этот воздух без конца!
И медлим с часом расставанья
У грустившего крыльца.

Не знаю слов, не вижу стыка
Между грядущим и былым.
И как ей быть, как горе мыкать...
Прощай, избушка, сизый дым!

Кто подмешал в судьбу отравы?
Кто счастье выставил за дверь?
Так помоги ей, Боже правый,
Не дай сойти с ума теперь.

1991 г.

Земляки

Баллада патриотизма

Что мы знаем? На что уповаем?
Нашу долю сыскать мудрено.
С Костромским усыхающим краем
Беды Родины слиты давно.

Костромщина! Есть место напевней?
Только нет от напева следа.
Покосились и сникли деревни.
Захирели в чаду города.

Только изредка вспомним о Боге –
Наша вера в провал утекла.
И по Северной нашей дороге
Что-то мало привозят тепла.

Неужели и души в провале?
В чем великая наша вина?
Волгу (Волгу!), бранясь, мордовали,
Оттого нездорова она.

И резные не радуют окна.
Молчалив припечатанный дом.
Край, воспетый Некрасовым, мокнет
Под чужим ядовитым дождем.

Что мы можем? Сумеем ли сами
Приподнять обделенную Русь?
Или так – потужу с земляками
И, затюканный, в угол вернусь?

Чтобы выбраться, в кои-то веки,
На простор – и добра зачерпнуть,
Дорогие мои Человеки
Продолжают рискованный путь.

1991 г.

Прилив, отлив...

Баллада утверждения

Хлынут эти думы –
Ни плотин, ни вышек.
Строки так угрюмы –
Искорки не высек.

Ну, слезой облейся...
Легче что ли стало?
Бейся и надейся!
Это уж не мало.

Корень – это детство.
На вершине – старость.
Что от малолетства
На сердце осталось?

Многого не зная,
Малым утешаюсь...
Матушка родная,
Каюсь, видишь, каюсь!

Доброе начало...
Матушкино – мило.
Словно полегчало,
Будто отпустило.

Честь – родному краю.
Нет – тупой тревоге.
Завтра что – не знаю.
Нынче – песнь о Боге.

1991 г.

В забытой деревне

Баллада памяти

Был пруд на нашей речке –
И нет того пруда.
Словечко по словечку –
И выткалась беда.

Туманно-растуманно.
Заброшен водоем.
Поплачем, тетка Анна,
У берега вдвоем.

Где в горе половина?
Ведь это не во сне –
Твои четыре сына
Пропали на войне.

Вот письма, как гранаты –
Осколки со строки...
И был один женатый,
А три холостяки.

Служили да служили,
Отчизну берегли –
И головы сложили,
Иначе не могли.

Туманно-растуманно.
Я вновь сюда бегу.
Поплачем, тетка Анна,
На горьком берегу.

Старушка дорогая!
А рядом – ни души.
Деревня убегает
В речные камыши.

Но нет нигде спасенья.
Злой рок еще не сыт.
Святое воскресенье
Сынков не воскресит.

Поспела земляника.
И старость подошла.
Одной и горе мыкать,
До крайнего числа.

И вызреет рябина,
А горе не пройдет.
Ушли четыре сына
В глухой судьбоворот.

Туманно-растуманно.
И мгла во все края.
Ой, хватит, тетка Анна,
Болезная моя...

1991 г.

К покаянию!

Баллада призыва

Велик народ, державно племя,
Но не в ущерб и всем другим.
Россия есть, она со всеми
Освящена – на том стоим.

Освящена единым Богом,
Единой верой скреплена.
Но вот судьба!.. Судьба во многом
Искривлена и смещена.

Слаба – сильна, бедна – богата,
Злым духом так осквернена,

Что восставали брат на брата
И горько плакала страна.

Звала гроза, трубили трубы
И черный ангел ликовал.
Он святотатственно и грубо
Всех тяжелой тенью накрывал.

Вот так и вышло – Русь ослабла,
Как будто нет святой земли.
Чужие кованные грабли
Все сено русское сгребли.

И неужели, что ни делай,
Не укрепиться больше нам?
Он на подлёте, ангел белый –
И радость с болью пополам.

Он одолеет святотатца.
Но мы готовы ли к тому?
Нам – перед Богом отчитаться,
Нам – сбросить ненависти тьму.

Царь на царя хулу возводит.
Союз исчез, как мастодонт.
А доброта в песок уходит
И слишком мрачен горизонт.

Куда, гордынники, спешили?
На голос чей отозвались?
Грешили, русские, грешили...
На покаянье – становись!

1991 г.

Три поклона

1. О, выслушай меня!..

О, выслушай меня сегодня, Боже правый!
И братья по уму! И сестры во Христе!
Здесь рушатся миры, и падают державы,
И мечется душа в подлунной тесноте.

Я взлетом наделен, паденьем обеспечен,
Колеблема душа, незыблем эгоизм.
Голубенький цветок, я только тем и вечен,
Что небу угодил, пройдя сквозь алогизм.

Так выслушай меня, Небесный Покровитель!
Я в этом мире гость, я славно погостил –
Хоть не принадлежал к прославленной элите,
Хоть мало удержал и много упустил.

Политики гудят, народ оглох и мрачен.
Всевышний, дай нам знак! Быть может, и пойдем.
Быть может, словом «Русь» мир светлый обозначен.
И этот мир во мне. И я, воскресший, в нем.

Измучена страна. Иль я теперь не с нею?
Иль, долгу вопреки, не тем теснится грудь?
И надо бы просить, да все еще не смею,
О том, что и меня, Отец мой, не забудь.

2. Чаша горечи

И приснилось, будто в мире на корню засохла милость.
И подумалось, а надо ль просыпаться? Боже мой!
Неужели над Россией уж и солнце закатилось,
Уж и дом мой обернулся то казармой, то тюрьмой.

Так и снилось – душно было, духота вязала ноги,
Голос сел, не докричишься, чем умыться, не найдешь.

Надо, надо бы проснуться! Да не вижу я подмоги.
Иль не надо просыпаться? Ибо сон – еще не ложь.

Как там Родина? Доступно ей святое омовенье?
Лик иконы проступает. С Богородицей – светло.
То ли старые рассказы, то ли новое явление,
То ли снилось, то не снилось, то ли мозг обволокло.

Чем потомки нас помянут? Как назвать эпоху нашу?
Воля Господа – над волей непутевых сыновей.
В снах кошмары, в жизни тоже.
Изопьем, о братья, чашу!
И простит тогда Всевышний.
Только хочется – скорей.

3. Прощения!

О, Господи, прости! Твое живое имя
По девственным стихам так часто разносил,
Пытался говорить глаголами твоими
И думал продолжать, насколько хватит сил.

Возликовали мы, войдя в родную веру,
Во благодатный храм... И Ты нас укрепил!
Быть может, слово «Бог» я произнес не в меру.
Я каюсь, за собой опять не уследил.

Наивная мечта – увидеть рай воочию.
Хотя бы честный взгляд – попробуем, вернем.
Как за волной волна, приходит ночь за ночью.
Как пульса быстрый бег, приходит день за днем.

Опять, хоть надоел, включаю телевизор.
Не барды мне нужны – известия ловлю.
И снова суета. Витийствуют! А риза
Тихонечко в углу... Мы движемся к нулю?

Бранится коммунист. Есть слух о монархистах.
И судим, судим... Что ж, судилища в чести.
И сами делим мир на чистых и нечистых.
А кто нам право дал? О, Господи, прости!

1992 г.

Цокот

Баллада галона

Опять о том, опять о том.
В какое время мы живем.
На чем споткнулись, где порог.
И что мы отдали на слом.

И снова прах, и снова тлен.
И не подняться нам с колен.
Наш тяжкий жребий – легче нет.
Под игом лет – и в новый плен.

Но кто, безвестный, нам грозит?
Кто нашей немощью не сыт?
Стоит держава, божий дом,
Но вот он, стук чужих копыт.

Попробуй – тронь, попробуй – тронь!
Кого затопчет черный конь,
Кому-то занавес дадут,
А кто спасется от погонь.

Придет ли к русским век иной,
Тряхнут ли внуки стариной.
И белый конь примчится к нам,
А не проскачет стороной.

А я? Надеяться могу,
Что конь пасется на лугу?
Желанный, белый, дорогой...
А я? Навстречу побегу!

1992 г.

Очищение

Баллада поворота

Не расправившись со змеем,
Забегать вперед умеем
И о прошлом не жалеем –
 Дескать, этим каждый сыт.
Не раскаявшись во многом,
Возглашать шершавым слогом,
Будто мы забыты Богом,
 А не нами Бог забыт.

Оболгав родные были,
Сами в косности застыли,
Сами Господа забыли.
 Вспоминать пора пришла.
Всем довольным, недовольным
В уши – звоном колокольным,
В сердце – словом сердобольным,
 Чтоб отмыться добела.

Наша смута раскричалась,
Наша лодка раскачалась,
Воцарилась одичалость,
 Семя злобы проросло.
Освятить обитель плача –
Наша первая задача.
Чувства добрые не пряча,
 Увеличим их число.

Ограничим исступленье,
Возвеличим искупленье,
Дом удержим от паденья,
 Веру русскую спасем.

От соблазнов убегая,
Помнить – чистка дорогая,
И на жизнь цена какая,
И спасение почем.

Дух святой давно нам шепчет –
На любви и вера крепче,
На добре и память цепче,
И на взлете цель ясна.
За хорошую подсказку
Дальним – милость, ближним – ласку,
Злым – налиться под завязку
И сменить пластинку на...

...перedelку, перемену –
Чтоб не биться лбом о стену,
Чем, мол, музу я одену,
Чем окончу ворожбу.
Да избавимся от злости!
Да пойдём друг к другу в гости!
Да прикидываться бросьте!
Все написано на лбу!

1992 г.

Прошлое

Баллада поиска

Закружило, сгорело, сошло.
Распрощались как будто – но нет,
И, в волшебное глядя стекло,
Не поймем, наш ли это портрет.

Вот что значит – лет семьдесят лгать.
Получить загноенье души.
Не раскрутишь историю вспять –
Не спеши, дорогой, не спеши.

Распрощаемся с прошлым? – Ан нет,
Цепко держит и громко кричит.
Злополучные семьдесят лет...
Жили. Прожили. Душит. Горчит.

Закружило Россию, точь-в-точь
Ярким вихрем людей понесло.
Страшно – рано надвинулась ночь.
Жутко – жжет роковое число.

Что сгорело, сошло – нет цены.
Искупитель к кресту пригвожден.
Каменеют текущие сны.
И мираж затвердел, как бетон.

Вспоминаем, молчим, говорим...
Говорим: слава Богу, живем.
Веру сквозь исторический грим
Ищем, Господи, в слове твоём.

1992 г.

Символика

Баллада деталей

Удивительно – движемся ходко,
А к добру до сих пор не пришли.
Там, на кухне, шипит сковородка.
Здесь, в избе, разговоры – нули.

О, какую страну разорили!
Только в небе и есть тишь да гладь.
А в Кремле кашу так заварили –
Дай-то Бог по Руси расхлебать.

Отчего ты, земляк, неприкаян?
Иль не кончились наши бои?

От Москвы до каких до окраин
Мы одно, мы семья, мы свои?

Иль утрачена наша основа?
Слава вычеркнута, кончен бал?
Неужели хаос коронован?
Звучный Благовест мощь потерял?

Устремляется ворон на падаль...
Только мы далеки от конца!
Загадать бы желанье – да надо ль
Беспокоить так часто Творца.

Он, он дух отлучает от тела...
Мы стенаем... Как это старо...
Не загадывать надо бы – делать.
Вот и будет копиться добро.

Мироздание выглядит косо.
Проверяет судьба на излом.
Воскресай, Русь! Единственный способ
Уцелеть – под двуглавым орлом.

1992 г.

Так-то

Баллада строгости

Не клянись, родная, не клянись.
Есть любовь у нас – и слава Богу.
Как когда-то шашку брал «под-высь»,
Так служу непризнанному слогу.

Как когда-то табельный ГТ
Гладил, заступая на дежурство,
Поклонюсь коломенской версте,
Да простит меня за каламбурство.

Неохотно, пасмурно смеюсь.
Пошутить – усилья прилагаю.
Дважды я проехал через Русь.
В третий раз не нужно, полагаю.

Вот он, вот отцовский тихий дол,
Бог меня, хмельного, не обидел.
Все, что мне положено, нашел.
Все, что видеть надобно, увидел.

Стал умерен в искусе вина.
Мир былым погонам офицера.
Жизнь – сама собой она хмельна.
Пусть восторжествуют смысл и вера.

Ну так вот, родная, погоди,
Что за пониканье, что за спешка...
Смутно видим то, что впереди.
А за прошлым – горькая усмешка.

Есть обет, в уста медовый кляп...
В осень перейдешь, изменишь маю, –
Я тебя словами этих клятв
При попытке к бегству расстреляю.

1992 г.

Перетряска

Баллада ожидания

Все мыслимые даты перерос
Ничтожный юбилей (о перестройке).
Вопросом отвечали на вопрос.
Страшную платили неустойку.

Коверкали деревню. Город спал.
Когда проснулся – пусто все и голо.
Час полуночи выщербленным стал.
Полуденное небо расколело.

Иль отчину меняли за кусок?
Святыни вывозили за бесценок?
А нам твердили: рейтинг так высок.
Да ложь! Да не вставали мы с коленок!

А жизнь отодвигали на потом.
О, Случай, своевольничал не ты ли?
А нас крестили огненным крестом
И в путанную веру обратили.

О, Господи, казни! Ты справедлив!
Так явственно отступничество наше.
Но за отливом будет и прилив.
Придет мужик, Россию перепашет.

1992 г.

Дорожное

Балладное

Клонит путника ко сну
Сказочною силой...
Воют волки на Луну –
Господи, помилуй!

Спят недвижно облака.
Ветер отдыхает.
Волчий вой издалека
В душу проникает.

Чуют в космосе своих?
Слухом прозревают?
Не заладилось у них?
Духов вызывают?

Отлетел дорожный сон.
Стало не до шуток.
Ум возгласием смущен.
Лунный вызов жуток.

Взгляды – в сторону одну,
Упованья – тоже.
Волки воют на Луну.
Пощади их, Боже.

1992 г.

Взмахи

Баллада перелёта

Замедляется прозреньё,
Поторопимся, земляк.
Ощущается презреньё,
Не прогнать его никак.
Не помаешься – не сопьешься.
Не покаешься – не спасешься.

С отцветающего сада
Лепесточки день и ночь...
По-товарищески надо
Отстающему помочь.
Кто из нас отстал? Я, пожалуй.
Кто позорно мал? Я и малый.

Хорошо пройти по краю
У спасительной черты.
Я кому-то помогаю.
Верно, мне поможешь ты.
Может, слово дашь – для примера.
Главный якорь наш – это вера.

К уважительной причине
Уважение, мой друг.
В положительной почине
Сомневаться недосуг.
На земле стоять – тверже ногу.
Душу всласть отдать – только Богу.

1992 г.

Как быть

Баллада зыбкости

И да и нет, и то и это,
К бессмертью ревность, к жизни бег.
Неправдой мы прошли полсвета,
Заторопились на ночлег.

Искусство лгать, подарок беса,
Подвигло многих на успех.
Кто, новоявленный повеса,
Обворожит нестойких всех?

Хоть я один – раздумий много.
В толпе немалой – я один.
Моя красивая берлога,
Мой дом – и в нем я господин.

И тем не менее, доверить
Судьбе хотелось бы – изволь...
Но чем, скажите, боль измерить,
Когда безмерна эта боль?

Гадать не надо, прогадаешь.
Ворожея приворожит.
И сам пойдешь, и сам не знаешь,
Куда дороженька бежит.

Еще ль полсвета ложью стянем,
Железным обручем сожжем?
И кончим век во вражьем стане,
Окаменелом и немом?

Не лицезреть, а лицемерить –
И, значит, быть во власти тьмы...
Но как, скажите, в Бога верить,
Когда уж отвернулись мы?

1992 г.

Из молитвослова
Баллада переложения

Есть у всех только свой непридуманный вкус.
Корабли постоят и ложатся на курс.
Самолет улетит, а вода утечет.
У людей то игра, то беда, то почет.

То, что было давно, то, что было вчера,
Это именно есть родовая игра.
До беды, как известно, рукою подать.
А почета кому-то всю жизнь не видать.

У героев вся жизнь – по канату ходьба.
Голодранцев великих уносит судьба.
Не поймав птицу счастья, увы, ни одну,
Рядовой обыватель уходит ко дну.

У всего выдох свой, все имеет свой вес.
Здесь чего не нашел, попроси у небес.
Попроси у небес – но сподобься сперва
Убежденно сказать непростые слова.

Убеди небеса, горячо помолись
И заметишь, как дух поднимается ввысь.
Это знак – понят ты. Возликуй! Но заметь,
Надо меньше просить, чтобы больше иметь.

1992 г.

Д+++

Баллада неизбывности

Короткие дни – не зима.
Короткая память – не тень.
Загадки? Но ты-то сама,
Но ты-то – не куст и не пень.

Ты – дерево! Пусть не цветешь,
Пускай плодоносить не нам,
Но мир этот тем и хорош,
Что память твою не предам.

Смотри – зреет ворох бумаг.
И ты бы пришлась ко двору.
Смотри – я волшебник и маг.
Из воздуха слово беру.

Спешу ли к тебе – на словах.
Прочту ль имена – по слогам.
Рука – согласительный взмах,
Но сердце – отдам – не отдам...

Оно бы и радо побыть
В том давнем и милом краю,
Но только боюсь нагрубить
И выплескать нежность твою.

Я понял – уже не придешь.
Поверил – не быть лучшим дням.
Но тем этот мир и хорош,
Что память твою не предам.

1992 г.

Послание

Баллада значимости

На земле стоим двояко,
Тут нога и там нога –
Букой, бякой, раскорякой,
Дутость, серость, мелюзга.

По марксизму прокатились,
От толчков не отошли,
Где-то сбоку приютились
У прамати-земли.

Друг мой! Мы ли россияне?
В чем заслуга наша есть?
Если Русь не осиянна,
Нам, сынам, какая честь?

Если Родина не может
Приподняться – так больна,
Гражданин не может тоже
Выпить чашу не до дна.

Только с Родиною вместе!
Чаша горькая – не сон.
День за днем и честь по чести –
На крушение препон.

Друг ты мой, давай рассудим...
Знатоки невелики,
Но и мы ведь к русским людям
С делом – тоже мужики.

Философия сквозная,
Ты с пером и я с пером.
Хоть учения не знаем,
А философа берем.

Ты в быту надменно-хмуром
Не теряй часы и дни.
Побеседуй с Эпикуром
И к Зенону загляни.

Ну и я ночной порою
Не ударю в грязь лицом.
Тихо Библию открою,
Побеседую с Отцом.

И скажу: прости мне, Боже,
Кто есть Ты и кто есть Мать,

Только к старости, похоже,
Начинаю понимать.

Бог простит... И ты, дружище,
От философа потом
Поищи духовной пищи
В единении с Отцом.

И придумывать не надо
Переходов и рывков.
То и есть – одна отрада
До скончания веков.

Просветлеют наши лица.
Наши души воспарят.
За Россию помолиться
Тени славные велят.

Для чего живем и жили?
Будем жить – а для чего?
Что мы в Родину вложили?
Всё ли. Только и всего.

1993 г.

Дни

Баллада суток

Чему только, друг, не дивишься...
Натура верна и крепка –
То тихой речушкой струишься,
То вдруг выдаешь трепака.

Не флюгер, а взгляды меняешь,
Не жмот, а к себе больше гнешь,
Не заяц, а тоже линяешь,
А трезвость не ставишь и в грош.

Пути, мол, неисповедимы.
Уйдем, не оставим следа...
Неважно, рабы мы, вожди мы –
Трудиться приходим сюда!

А жизнь, по природе, двойка –
И рвеньё, и милая лень.
Но с совестью собственной драка
Похуже, чем тень на плетень.

Чего только, роясь, не вспомнишь...
И, сколько бы ни был хорош,
Дырявый кувшин не наполнишь,
А голоса нет, не споешь.

Ну вот и попробуй, приятель,
В открытую спорить с судьбой.
Над нами – небесный Создатель.
Нам – дни, да и то вразнобой.

Одни только ночи похожи
(Снам – почести, стоят того!),
Но не дал Господь нам дороже
Мелькающих дней – ничего.

1993 г.

Проповедь

Баллада волхования

Там будет мой Назарет.
Здесь возглаголят волхвы.
Новой звезды новый свет
Сразу увидите вы.

Кто-то в скорбях изнемог.
Кто-то страстями томим.
Всяк по себе малый бог –
Только пред Богом Большим.

Знаниями я не сорю.
Фокусы мне не оплот.
Истинно вам говорю:
Чистая вера спасет.

«Все, что имею, отдам».
Значит, и вера чиста.
Значит, по силам и нам
Светлая тяжесть креста.

Стоит заре заалеть,
С именем Господа встань.
Наши труды на земле
Царству небесному дань.

Истина, как остриё.
Вера подобна бруску.
Проповедь дело моё,
В дело друзей вовлеку.

Будто бы я мал и нем,
Но свет очнется вовне
И возвестит Вифлеем
Через звезду обо мне.

1993 г.

Трубы

Баллада искушения

Почести – к чему бы?
В краткость уложись!
Медные ли трубы
Скрасят нашу жизнь?

Сквозь огонь и воду,
Перемены сквозь

От году до году
Вместе или врозь?

Как кому сподручней...
Думай, голова!
Стали многозвучней
Верные слова.

Стали ли поступки
Вровень со стихом?
Девственны и хрупки
Сны в краю глухом.

Чтоб ни песен грубых
Похвальбе под стать.
Чтоб о медных трубах
Реже вспоминать.

1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Баллада о встречном	3	Об остальном	65
На озере Чудском	4	Наверное	66
Героическая крепость	6	Всё	66
Народный артист Емельян	8	Вместо молитвы	67
Медсестра	10	Политграмота	68
Брестская тишина	11	Ефим	69
Ваня-военкор	12	В том 1933	70
Сомнение?	14	На плацу	71
Баллада о друге	16	Перескоки	72
Отвечать будем	17	План	73
Ночное озеро	21	Веление	75
Возгласы	21	Она	76
Поле Куликово	24	Погода России	77
Как бы не так	26	Тени друзей	78
Именная баллада	27	Обращение	79
Незнакомка в шинели	29	Музыка дум	80
Раненый	32	Путь веры	80
Фронтовые сёстры	33	В житейском море	81
Орден Отечественной войны	34	Вылет	82
Снайпер	36	Мой ангел	83
Гаммы труда	37	Перепад	85
Непреклонность	28	Тот же вопрос	86
Земляк	39	Посещение	86
Было дело	42	Земляки	88
Мой идеал	43	Прилив, отлив	89
Баллада военной поры	44	В забытой деревне	90
На двоих	46	К покаянию	91
Первое четверостишие	48	Три поклона	93
Вальс «Память цветов»	50	Цокот	95
Обледенение	51	Очищение	96
Под Тулой	51	Прошлое	97
Фиалка судьбы	52	Символика	98
В цехе графоманов	53	Так-то	99
За деревней	54	Перетряска	100
Фильм о Гражданской	55	Дорожное	101
Сердце стучит	56	Взмахи	102
Высота Пенсионная	57	Как быть	103
Роща Несвященная	58	Из молитвослова	104
Обелиск в поле	59	Д+++	104
Старая песня	60	Послание	105
И всё-таки	61	Дни	107
Раньше и теперь	62	Проповедь	108
В покинутой деревне	63	Трубы	109
Жалоба	64		

Востров Николай Никонович

БАЛЛАДЫ

Вёрстка Т.П. Кузьменковой

Отпечатано в редакции газеты «Районный вестник»
пос. Поназырево Костромской области. Тираж 100 экз.